

ИМПЕРИАЛИЗМ

ГЕРМАНСКИЙ ПРОРЫВ В АФГАНИСТАН:
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2014

К. В. СИМОНОВ

Начавшаяся 1 августа 1914 г. мировая война изменила политическую обстановку почти во всех государствах Среднего Востока. Афганистан не участвовал в боевых действиях, но обе воюющие группировки стремились привлечь его на свою сторону: Германия и Турция настойчиво подталкивали эмира Хабибуллу-хана к выступлению против России и Англии, а те, в свою очередь, пытались удержать кабульского правителя в рамках сложившейся системы взаимоотношений и не допустить его присоединения к центральным державам.

Ключевые слова: великие державы, Первая мировая война, российско-британские отношения, германское влияние, Персия, Афганистан.

В 1915–1916 гг. в Афганистане находилась германо-турецкая военно-дипломатическая миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига. О ней в свое время писали советские исследователи П.И. Хотеев, М.А. Бабаходжаев, Н. Равич, К. Соколов-Страхов, английские и американские авторы Л. Адамек, Р. Стюарт, У. Фрезер-Тайтлер, П. Сайкс и другие [Бабаходжаев, 1960; Равич, 1933; Соколов-Страхов, 1929; Хотеев, 1977; Adamec, 1965; Fraser-Tytler, 1950; Stewart, 1973; Sykes, 1940]. Однако основное внимание они уделили изучению деятельности германо-турецких эмиссаров уже после их прибытия в Афганистан, а потому все события, непосредственно предшествовавшие их появлению там, до сих пор остаются малоизученными. Между тем ответы на вопросы, как и почему агенты Германии и Турции в 1915 г. оказались на афганской территории, весьма важны для понимания обстановки в регионе в целом, а также выяснения характера и особенностей развития англо-русских отношений по афганскому вопросу в годы Первой мировой войны.

8 августа 1914 г. вице-король Индии Ч. Гардинг направил Хабибулле-хану послание, в котором сообщил о начале войны в Европе и рекомендовал в создавшейся ситуации “сохранять абсолютный нейтралитет, приняв специальные меры для безопасности государственной границы” [Stewart, 1973, p. 7]. Кабульский правитель последовал этому совету. 19 августа он ответил Ч. Гардингу, объяснив свое решение следующим образом: “Когда гарантируется безопасность... правительства Афганистана от вредных и дьявольских намерений его врагов и нет вреда его чести и достоинству, и его нынешнее независимое положение сохраняется и поддерживается, население говорит правительству, чтобы оно оставалось нейтральным” [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 15].

Однако положение дел в Афганистане отличалось от обрисованной эмиром картины. По информации российского военного агента в Хорасане подполковника Л.Н. Скурата, подданные Хабибуллы-хана были настроены “откровенно прогермански” и “весь ход военных действий сводили к одному – победам Германии” [АВПРИ, оп. 485, д. 755, л. 142]. Командование Туркестанского военного округа вообще мало доверяло заявлениям Хабибуллы-хана о нейтралитете. 23 августа 1914 г. начальник штаба ТуркВО

генерал-майор И.З. Одишелидзе телеграфировал в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ): “Эмир... может попытаться объединить [население. – К.С.] идеей борьбы против неверных русских, якобы ослабевающих вследствие войны на западе, и рискнет на авантюру” [АВПРИ, оп. 486, д. 345, л. 4].

Подобные известия встревожили царские власти. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов уполномочил посла в Лондоне запросить у британской стороны дополнительные данные о ситуации в Афганистане (он рассчитывал на поддержку английского правительства в деле сдерживания эмира) [АВПРИ, оп. 486, д. 345, л. 6]. А.К. Бенкендорф в ответ заверил его, что, по словам вице-короля, Хабибулла-хан “не намерен нарушать нейтралитета” [АВПРИ, оп. 486, д. 345, л. 9].

Из других источников руководство МИД России и военного министерства получало менее оптимистичные сообщения. Л.Н. Скурат доложил начальнику ГУГШ, что “симпатии правящих кругов [Афганистана. – К.С.] направлены в сторону... врагов” России и Англии, и предупредил, что, “если на арену... войны выступит Турция... выступление афганцев... нельзя считать невероятным” [АВПРИ, оп. 485, д. 755, л. 147, 148]. Такие опасения были вполне оправданы, а учитывая информацию, поступавшую в Петроград из Константинополя [АВПРИ, оп. 486, д. 345, л. 16], вырисовывалась довольно невыгодная для держав Антанты перспектива, однако радикально повлиять на ход событий они не могли. Им оставалось лишь полагаться на обещания Хабибуллы-хана и одновременно готовиться к отражению возможного удара с его стороны.

Вскоре случилось то, чего опасались и в Лондоне, и в Петрограде. 12 ноября 1914 г. в войну вступила Турция. Это заставило российские и британские власти еще более внимательно следить за событиями, происходящими в Афганистане. Усиление протурецких настроений там было неизбежно, а ответить чем-либо конкретным они не решались. Вице-король лишь направил эмиру очередное послание с призывом сохранять нейтралитет. В общении с Хабибуллой-ханом он стал очень осторожным. К этому его обязывало сокращение численности войск в Индии после начала войны. О ведении наступательных операций против афганской армии уже не могло быть и речи. По оценке генерального консула России в Калькутте К.Д. Набокова, смысл предпринятых англо-индийским правительством шагов сводился к тому, чтобы “избежать осложнений на границе Афганистана” [Международные отношения..., 1935(1), с. 306].

Царские дипломаты и военные действовали аналогичным образом. Генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон приказал подчиненным ему пограничным властям сдерживаться “по отношению к Афганистану... самого корректного образа действий”, избегая “всего того, что могло бы обострить... добрососедские отношения с этой страной” [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 755, л. 153]. Вместе с тем и в Ташкенте, и в Петрограде не было твердой уверенности, что принятых мер будет достаточно для сдерживания неспокойного соседа. “Фанатизм афганцев может вспыхнуть помимо воли эмира”, – считал начальник III политического отдела российского МИД В.О. фон Клемм [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 12]. Его и других руководителей министерства иностранных дел серьезно беспокоили сведения об усилении войск Хабибуллы-хана в пограничных с Россией районах. Кроме того, имелись данные о расширении деятельности афганской агентуры в Средней Азии и поставках оружия на территорию Бухары [АВПРИ, оп. 485, д. 755, л. 154].

В этих условиях Петроград решил напрямую обратиться к вице-королю Индии с просьбой оговорить совместные шаги на случай выступления Афганистана. Пока речь шла лишь о планировании совместных мероприятий военного характера. 11 ноября В.О. Клемм телеграфировал К.Д. Набокову: “Генерал-губернатор [Туркестана. – К.С.] признает... желательным, чтобы, в случае открытия афганцами военных действий, на них было произведено энергичное давление со стороны Индии вооруженной силой” [Международные отношения..., 1935(1), с. 17].

Генконсул в Калькутте имел постоянный контакт с вице-королем и его секретарем по иностранным делам, а потому без промедления сообщил им о поступившем предложении. Однако Ч. Гардинг и Г. Мак-Магон вежливо отклонили его. С их точки зрения, просьба царских властей свидетельствовала о стремлении Петрограда использовать создавшуюся ситуацию для нанесения удара по Афганистану с двух сторон. Результатом, по их мнению, стало бы установление Россией контроля над частью его территории. Естественно, англо-индийское руководство не могло с этим согласиться. Обстановка, хотя и усложнялась, оставалась вполне контролируемой, а потому Ч. Гардинг пока не видел необходимости уступать царской администрации в данном вопросе. К.Д. Набокову он заявил, что “индийское правительство не считает опасными военные пригрозения Афганистана”. Для большей убедительности вице-король ознакомил русского представителя с письмом Хабибуллы-хана, в котором тот говорил о своей дружбе с Англией и “твердом намерении не выступать активно против нее” [*Международные отношения...*, 1935(1), с. 303].

Ответ Ч. Гардинга, однако, не удовлетворил российскую сторону. В Петроград постоянно шли тревожные телеграммы. Политический агент в Бухаре А.К. Беляев и вице-консул в Сеистане В.С. Романовский сообщили о крупных разногласиях в афганском правительстве и попытке покушения на эмира. По их сведениям, турецкий султан Мехмед V обратился к Хабибулле-хану с просьбой о поддержке, но тот отказал ему, чем и вызвал негативную реакцию в своем ближайшем окружении [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 25, 36]. Л.Н. Скурат передал информацию о конфликте Хабибуллы-хана с братом Насрулло-ханом. Последний, воспользовавшись отъездом правителя в Джелалабад, в январе 1915 г. распорядился о продаже оружия населению и направил значительное его количество племенам на индийской границе. Лишь непосредственное вмешательство эмира заставило Насрулло-хана временно отказаться от подобных действий [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 755, л. 170–171]. Разведка Туркестанского военного округа доносила о сосредоточении правительственных войск на севере Афганистана. В Ташкент поступили даже сведения о том, что начало военных действий против России назначено на середину марта [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 34].

Все это свидетельствовало об одном: присоединение Турции к противникам Антанты воодушевило афганцев, подняло их дух. От армий султана ждали побед над “неверными” и готовились их активно поддержать. Налаженные в прошлом контакты афганских правящих кругов с турецкой политической верхушкой активно развивались. Эмиссары султана осенью–зимой 1914 г. бывали в Кабуле, предлагая Хабибулле-хану выступить против Англии и России, однако он не пошел на это.

Тем не менее, происходившее в Афганистане уже не просто настораживало, а пугало обоих его соседей. Царские дипломаты не скрывали своего страха. 17 февраля А.К. Беляев обратился к товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову с просьбой “как можно скорее увеличить гарнизоны [на территории Бухарского эмирата. – К.С.] хотя бы второстепенными войсками” [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 38]. В Калькутту непрерывно посылались запросы с целью получения дополнительных данных о планах эмира и выяснения степени готовности англо-индийской армии к отражению нападения со стороны Афганистана.

Британские власти не менее чем российские были встревожены происходящим [Hardinge, 1947, p. 131–132], но желали создать видимость своего полного контроля над ситуацией. Ч. Гардинг в беседах с К.Д. Набоковым искусно скрывал истинное положение дел, серьезно принижая степень угрозы, исходившей из Кабула. С начала января до конца июня 1915 г. российский генконсул направлял в Петроград из Калькутты телеграммы, где и слова не говорилось о конфликте в афганском руководстве, о призывах к войне и вооружении населения. Напротив, в них речь шла о том, что “эмир отвечает [вице-королю. – К.С.] изъявлениями дружбы” и намерен “сохранить строгий

нейтралитет”, что у него “миролюбивое настроение” и потому “нет никаких указаний на возможность враждебных выступлений Афганистана” [*Синяя книга...*, 1918, с. 36–37, 45, 52].

Безусловно, английскому кабинету было выгодно и дальше удерживать Россию в стороне от всего происходившего во владениях Хабибуллы-хана. Сказать правду значило привлечь царские власти к новому обсуждению афганской проблемы и неизбежно столкнуться с дополнительными трудностями. В Лондоне, судя по всему, решили не идти на это без крайней необходимости. Кроме того, британское правительство верило заявлениям Ч. Гардинга, что принимаемых в Индии мер достаточно для сдерживания воинственных афганцев. Однако при этом не учитывался тот факт, что в своих расчетах вице-король исходил больше из прошлых оценок и личных ожиданий, чем из реально-го видения ситуации.

Еще осенью 1914 г. в боевую готовность были приведены три дивизии на северо-западной границе Индии. Как писал позже в мемуарах сам Ч. Гардинг, он принял такое решение, поскольку “понимал, что с началом войны в Европе эмир будет подвержен сильному нажиму со стороны мулл и племен, которые захотят использовать благоприятную возможность, чтобы напасть на нас” [Hardinge, 1947, p. 100]. Впрочем, кардинального изменения в ход событий предпринятые меры не внесли, и уже к концу 1914 г., по признанию вице-короля, “обстановка на границе... внушала серьезное беспокойство” [Hardinge, 1947, p. 107]. Тем не менее, он довольно хладнокровно следил за участвовавшими нападениями пуштунов на британские гарнизоны, полагаясь на обещания эмира. “Я всегда преуспевал в поддержании дружеских отношений с правителем Афганистана... и был уверен в его лояльности” [Hardinge, 1947, p. 100], – написал Ч. Гардинг после войны.

Однако личная расположенность Хабибуллы-хана и его готовность соблюдать нейтралитет еще не гарантировали того, что население и афганские политические круги займут аналогичную позицию. Российский генконсул в Калькутте по этому поводу осторожно заметил: “Афганистан лишь по имени – политическое целое... Кабул не всегда может направлять и контролировать то, что происходит на окраинах” [*Синяя книга...*, 1918, с. 32]. Именно данное обстоятельство британские власти оставили практически без внимания, положившись по сути дела только на благоразумие эмира, и этот взгляд они навязывали царским дипломатам.

Таким образом, с начала войны и вплоть до середины 1915 г. союзники по Антанте не смогли скоординировать действия в отношении Афганистана. Английская сторона защищала прежде всего собственные интересы, стремясь не дать России повода вмешаться в его дела. Лишь когда создалась непосредственная угроза проникновения в Афганистан немецких вооруженных отрядов, российские и британские власти осознали необходимость налаживания более тесного сотрудничества.

Германские военно-политические круги испытывали особый интерес к Афганистану как к стране, граничившей с британскими владениями в Индии. Непосредственную подготовку к проведению там специальных операций в условиях войны они начали уже в середине августа 1914 г., решив склонить эмира к выступлению против Англии. Одновременно планировалось осуществлять с афганской территории диверсии в русском Туркестане, Западном Китае, Персии и оказывать постоянную помощь пуштунским племенам. Все это, по расчетам Берлина, заставило бы Великобританию и Россию как минимум сохранять присутствие в Индии и Средней Азии значительного количества войск, что облегчило бы положение германских армий на европейском театре военных действий.

Организовать проникновение своих агентов в Афганистан немецкое правительство решило с помощью военного министра Турции Энвера-паши. Он сообщил, что в Кабул из Стамбула направляется военно-дипломатическая миссия, и предложил включить в ее состав несколько кайзеровских офицеров. Министр иностранных дел Германии

Т. Бетман-Гольвег и начальник Генерального штаба Х.И.Л. Мольтке поддержали эту идею, однако всем военнослужащим, выделенным для участия в турецкой экспедиции, было приказано выполнять указания только германского военного руководства.

В начале сентября 1914 г. в Стамбул прибыли 23 немецких офицера во главе с В. Вассмусом, а в декабре еще 25 во главе с О. Нидермайером [Adamec, 1965, p. 84]. К середине января 1915 г. обе группы сосредоточились в Багдаде, где уже находился турецкий отряд полковника Рауф-бея. Начались заключительные приготовления к переходу в Афганистан: формировались отдельные группы, определялись маршруты движения, уточнялись полномочия. Относительно последнего между В. Вассмусом и О. Нидермайером, с одной стороны, и Рауф-беем, с другой, выявились серьезные разногласия. Как писал советский исследователь П.И. Хотеев, германские военные претендовали на лидерство и не желали подчиняться приказам турецкого командования. В итоге они добились права действовать самостоятельно и в конце марта выехали в Исфахан [Хотеев, 1977, с. 165].

В это время в Берлине рассматривался вопрос об усилении экспедиции В. Вассмуса и О. Нидермайера. Решено было направить вместе с ней в Афганистан политическую миссию под руководством В. фон Хентига, бывшего секретаря германского посольства в Тегеране. Он имел полномочия на ведение официальных переговоров с Хабибуллоханом и установление дипломатических отношений между Германией и Афганистаном [Adamec, 1965, p. 85]. В состав миссии вошли индийские политические эмигранты Махендра Пратап и Маулана Баракатулла, через которых планировалось наладить контакты с антибританскими организациями в Индии, двое выходцев из Бунера (прибыли в Германию из США) и несколько десятков военнопленных – бывших солдат английской армии, пуштунов по этнической принадлежности. С их помощью немецкие представители должны были связаться с племенами на индийской северо-западной границе [Adamec, 1965, p. 84–85; Pratap, 1947, p. 43].

10 апреля 1915 г. группа покинула Берлин. Проникнуть в Афганистан она должна была с территории Персии, совместно с другими германскими отрядами, но прежде В. фон Хентиг и М. Пратап побывали в Стамбуле, где обсудили вопросы взаимодействия с турецкими властями. Они встречались с султаном Мехмедом V, великим визирем Халим-пашой, министром иностранных дел Талаат-пашой, получив от них сопроводительные письма к афганскому эмиру. Однако эти встречи являлись по существу формальными. Более деловой характер имела беседа с Энвер-пашой. По его распоряжению в состав немецкой экспедиции был включен турецкий офицер Казембек, кроме того, В. фон Хентиг получил гарантии предоставления любой необходимой помощи [Pratap, 1947, p. 44].

После переговоров миссия выехала в Багдад, а оттуда через Ханекин и Керманшах прибыла в Исфахан. Здесь находился главный пункт сбора германских отрядов, направлявшихся в Афганистан. Они планировали быстро и незаметно пересечь центральные районы Персии и достичь Герата. Сделать это при хорошей подготовке и согласованности действий было вполне реально. Шахские власти не мешали немцам, а порой даже поддерживали их. То же самое можно сказать и о шведских офицерах персидской жандармерии. Наконец, самое главное – Россия и Англия не располагали в это время на территории Персии силами, способными дать решительный отпор или хотя бы создать серьезные препятствия на пути продвижения германцев. С весны до середины лета 1915 г. противодействовать усилению их активности должны были российские и британские дипломаты, опираясь на незначительные воинские команды, состоявшие при дипломатических представительствах. Более крупные армейские подразделения стояли на севере и юге страны, но они имели свои задачи и не могли взять под контроль еще и центральные провинции Персии.

Таким образом, когда 16 июня 1915 г. первая партия немецких офицеров во главе с Г. Вагнером и В. Пашеном двинулась из Исфахана к афганской границе, путь ей был

открыт. К тому же в этот момент ни российские, ни британские власти еще не знали о конечной цели германского предприятия. 1 июля С.Д. Сазонов телеграфировал послу в Тегеране Н.С. Эттеру: “Беспрестанные отправления в Исфагань [Исфахан. – К.С.] немецких офицеров, оружия, пулеметов и снарядов начинают приобретать тревожные размеры... Дело начинает иметь характер приготовления целой вооруженной экспедиции... Не уясню себе, какую цель могут преследовать немцы” [*Международные отношения...*, 1935(2), с. 260].

Тем временем к рубежам Афганистана двинулись еще несколько германских отрядов, возглавляемых Г. Фохтом, К. Цугмайером, В. Зейлером, В. Вассмусом, О. Нидермайером. Генеральный консул в Мешхеде Н. Никольский и вице-консул в Бирдженде В.С. Романовский сообщили Н.С. Эттеру примерные маршруты их движения (“на Мешхед, Хаф, Керман”), после чего тот проинформировал С.Д. Сазонова, что немецкие караваны стремятся “приблизиться к нашей [российской. – К.С.], афганской и белуджистанской границам” [*Международные отношения...*, 1935(2), с. 319–320]. Аналогичные сведения поступили вице-королю Индии из британского посольства в Тегеране.

Принимать ответные меры теперь следовало без промедления. И это действительно было сделано, но в недостаточных масштабах. Ни российские, ни английские дипломаты в Персии, не говоря уже об официальных властях России и Великобритании, вплоть до 8–10 июля не имели ясного представления о происходящем. Поэтому и первые их решения нисколько не уменьшили угрозу прорыва немецкой экспедиции в Афганистан. К примеру, генконсул в Мешхеде Н. Никольский, не обладая достаточными сведениями о численности и вооружении германских отрядов, продвигавшихся от Исфахана на Тебес, просил Н.С. Эттера поручить ему с группой казаков арестовать их [*АВПРИ*, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 140], а товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов в этой же ситуации приказал генералу Ф.В. Мартсону направить в Хаф казачий отряд в составе 25 человек [*АВПРИ*, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 21].

Примерно так же происходящее оценивали и англо-индийские власти: 5 июля Ч. Гардинг запросил мнение британского посла в Тегеране о целесообразности установления на восточной границе Персии “военной охраны” (вместо того, чтобы сделать это немедленно) и советовал пока действовать самостоятельно [*Международные отношения...*, 1935(2), с. 319–320].

В последующие дни обе стороны внимательно отслеживали ситуацию, анализировали ранее полученные сведения о настроениях в Афганистане и пришли к выводу, что необходимо любой ценой воспрепятствовать проникновению германских и турецких эмиссаров на его территорию. Англо-индийские власти склонялись уже к самому неблагоприятному варианту развития событий. 10 июля Н.С. Эттер сообщил С.Д. Сазонову о том, что вице-король Индии допускает возможность начала “в ближайшем будущем широких военных действий на афганской границе и в Белуджистане” [*АВПРИ*, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 51]. Российский министр иностранных дел также опасался этого. “Если немецкие караваны дойдут до Афганистана..., останется очень мало надежды на то, чтобы афганцы не вмешались в войну” [*Международные отношения...*, 1935(2), с. 456], – писал он начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу.

Успех союзников по Антанте теперь во многом зависел от того, как скоро они договорятся о совместных действиях против германских отрядов на подступах к Афганистану и смогут ли за весьма ограниченное время реализовать свои планы. Это поняли и в Петрограде, и в Лондоне. 13 июля С.Д. Сазонов направил министру иностранных дел Великобритании Э. Грью телеграмму, в которой, кратко обрисовав ситуацию, предложил объединить усилия для поимки немецких офицеров [*АВПРИ*, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 33]. Глава Форин-офиса обратился к Ч. Гардингу, и тот через К.Д. Набокова сообщил российской стороне план захвата кайзеровских агентов.

Английские власти обязались прикрыть войсками Сеистан и персидско-белуджистанскую границу, а русские должны были взять под контроль линию Мешхед–Торбете-Хейдерие–Бирдженд, причем специально оговаривалось, что “ради достижения общей цели” военные могут «не слишком придерживаться границы “сфер влияния”» [АВПРИ, ф. 147, оп. 486, д. 345, л. 62]. Эти предложения были с готовностью приняты в Петрограде, и уже 19 июля С.Д. Сазонов проинформировал о них Н.С. Эттера и генерала Ф.В. Мартсона.

К тому времени российские и британские представители в Персии обладали новой информацией о передвижении германских вооруженных отрядов. Стало известно о прибытии одного из них в Тебес [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 28], а другого в Гунабад [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 125]. Н. Никольский решил немедленно использовать против них имевшийся в его распоряжении 2-й Семиреченский казачий полк. Большую его часть он оставил в Мешхеде на случай появления там немецкого каравана, а одну сотню во главе с подьесаулом Бедаревым направил патрулировать дорогу на Торбете-Хейдерие. Сделано это было им еще 17 июля, до получения официального распоряжения о прикрытии афганской границы. Далее Н. Никольский приказал полковнику Куликову, командиру 2-го Семиреченского полка, выделить полусотню для занятия самого города Торбете-Хейдерие. Благодаря столь оперативным действиям, отряд в составе 68 казаков под командой поручика Бортникова прибыл туда уже 25 июля [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 40]. Хотя это был и слабый заслон, но на большее с имевшимися силами рассчитывать не приходилось.

Между тем британское правительство просило царские власти как можно быстрее взять под наблюдение всю территорию между Мешхедом и Бирджендом и даже направить войска в Керман. Русское военное командование и само понимало, что к персидско-афганской границе необходимо срочно направить дополнительные силы. 23 июля генерал-губернатор Туркестана телеграфировал С.Д. Сазонову, что численность немецких военнослужащих в районе Тебеса и Гунабада составляет 500 человек, а значит полтора сотен казаков, высланных против них из Мешхеда Н. Никольским, явно недостаточно [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 123]. Для задержания германских военных караванов Ф.В. Мартсон направил из резерва дополнительно 1-й Семиреченский полк, отметив при этом, что большего для Персии выделить не может. По расчетам штаба Туркестанского военного округа, общая численность российских войск в Хорасане после прибытия подкреплений должна была составить 1000 человек. Считалось, что этого будет “вполне достаточно для полной гарантии успеха” [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 124].

26 июля 1-й Семиреченский казачий полк под командованием полковника Гущина начал переброску из Ашхабада в Мешхед. Однако обстановка в афганском приграничье складывалась так, что даже при самом быстром темпе движения его подразделения не могли своевременно приступить к выполнению поставленной задачи. Да и сама она была слишком серьезной для не столь многочисленного воинского контингента. Отряду в 1000 человек предстояло контролировать полосу от Мешхеда до Бирдженда протяженностью в 450 км.

Проблематичность успеха стала ясна российским властям уже к концу июля. 24-го числа вице-консул В.С. Романовский доложил Н.С. Эттеру о прибытии немецкого отряда в Каин и попросил как можно скорее прислать казаков для поддержки [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 38], но полк Гущина, предназначенный как раз для этого, находился еще в Ашхабаде. Оставалась единственная возможность – направить в район Каин–Бирдженд сотню подьесаула Бедарева. Генерал Ф.В. Мартсон распорядился об этом, хотя и понимал: выделенных сил не хватит даже для того, чтобы задерживать немецкие вооруженные отряды до подхода основных сил 1-го Семиреченского полка [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 118]. В.С. Романовский еще надеялся на

помощь англо-индийских войск, но первые британские части перешли персидско-белуджистанскую границу только в ночь с 30 на 31 июля, да и ориентировались они главным образом на территорию южнее Бирдженда [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 62].

Так недостаток войск и слабая организованность действий в очередной раз подвели Россию и Великобританию. В нужный момент они не смогли остановить германские военные отряды, двигавшиеся в Афганистан. Когда 30 июля отряду Бедарева все-таки удалось окружить группы Г. Вагнера и В. Пашена в Каине, поддержать казаков было некому. Весь день они перестреливались с противником, а ночью немцы вырвались из кольца (под командой у Бедарева на тот момент осталось лишь 60 человек) и ушли в сторону Туна. “Ввиду неясности данных разведки” [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 191] их не преследовали. Так уже в первых числах августа Г. Вагнер и В. Пашен оказались на афганской территории.

Руководители германской экспедиции О. Нидермайер и В. фон Хентиг, а также находившиеся вместе с ними индийцы и турецкий офицер Казем-бек были обнаружены 15 августа близ селения Рушинабад разъездом сотника Байкова из 2-го Семиреченского казачьего полка. Вместе с В.С. Романовским он попытался захватить эту партию, но безуспешно. Вице-консул в Бирдженде позже доложил Н. Никольскому: “Преследование шло по следам шайки, опередившей нас на полтора суток и крайне спешно двигавшейся к Афганистану. Догнать их... не представлялось возможным; преследование остановилось в деревне Тахтаван в 50-ти верстах от границы” [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 111]. Группа О. Нидермайера пересекла ее в ночь с 19 на 20 августа.

Успеху немцев в немалой степени способствовали умелые действия по дезинформации российского и британского командования. Двигаясь по территории Персии, они распространяли ложные слухи о своем намерении пройти в Афганистан через Мешхед в расчете на то, что главные силы, выделенные для их поимки, будут стянуты именно туда. Так и случилось в действительности. Казаки 1-го Семиреченского полка к 6 августа сосредоточились между Мешхедом и Торбете-Хейдерие, а далее к югу вплоть до Бирдженда афганскую границу прикрывали лишь слабые заслоны кавалерии. По сути незащищенной оставалась и английская зона ответственности. Королевская пехота заняла наиболее важные пункты Сеистана, но наблюдение за дорогами почти не вела, поэтому уже после прорыва в Афганистан отрядов В. Пашена, Г. Вагнера и О. Нидермайера туда проникла группа В. Зейлера (через Шираз и Керман).

Для России и Великобритании положение оставалось невыгодным и далее. Когда в начале сентября появились данные о возможности новых германских провокаций на персидско-афганской границе, отряд полковника Гущина насчитывал, не считая больных, 450 человек [АВПРИ, ф. 194, оп. 528/2, д. 91, л. 172]. Естественно, что должным образом прикрыть линию Мешхед–Бирдженд они не могли.

Таким образом, с началом Первой мировой войны роль Афганистана в международных делах значительно изменилась. Германия и Турция решили использовать его в борьбе против Англии и России. Опасность вовлечения Афганистана в боевые действия была и без того велика. Население и почти вся правящая верхушка выступали против политики нейтралитета, которую проводил эмир Хабибулла-хан.

В августе 1915 г. на афганской территории оказалась военно-дипломатическая миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига [Бабаходжаев, 1960; Симонов, 2013]. Это стало возможно из-за несогласованности действий России и Великобритании. Английские власти, несмотря на угрозу выступления афганцев в поддержку Германии и Турции, не желали обсуждать с царским правительством эту проблему. До лета 1915 г. они полагались лишь на свои возможности и на дружбу с эмиром. В результате, когда немецкие отряды оказались у границ Афганистана, организовать им серьезный отпор не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ).*
- Бабаходжаев М.А. Миссия Нидермайера–Гентига в Афганистане (1915–1916) // *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР*. Вып. 37. М., 1960.
- Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (1878–1917)*. Сер. III: 1914–1917. Т. 6. Ч. 2. М.–Л.: Соцэкгиз, 1935(1).
- Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств (1878–1917)*. Сер. III: 1914–1917. Т. 8. Ч. 1. М.–Л.: Соцэкгиз, 1935(2).
- Равич Н. Приподнятая завеса (Борьба в Афганистане в период империалистической войны) // *Знамя*. 1933. № 10.
- Симонов К.В. Германская миссия в Афганистане в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 8(34). Ч. II. <http://www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/>.
- Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел*. М.: НКВД, 1918.
- Соколов-Страхов К. Афганистан в мировой войне 1914–1918 гг. // *Новый Восток*. 1929. Кн. 26–27.
- Хотеев П.И. Германо-афганские переговоры 1915–1916 гг. // *Ученые записки ЛГУ. Востоковедение*. Л., 1977. Вып. 20. № 395.
- Adamec L.W. *Afghanistan: 1900–1923: A Diplomatic History*. Los Angeles: University of California Press, 1965.
- Fraser-Tytler W.K. *Afghanistan: A Study of Political Developments in Central and Southern Asia*. L.: Oxford University Press, 1950.
- Hardinge Ch. *My Indian Years: 1910–1916*. L.: John Murray, 1947.
- Pratap M. *My Life Story of Fifty-Five Years*. Dehradun: World Federation, 1947.
- Stewart R.T. *Fire in Afghanistan: 1914–1929*. N.Y.: Garden City, 1973.
- Sykes P. *A History of Afghanistan: Vol. 2*. L.: Macmillan & Co Ltd., 1940.